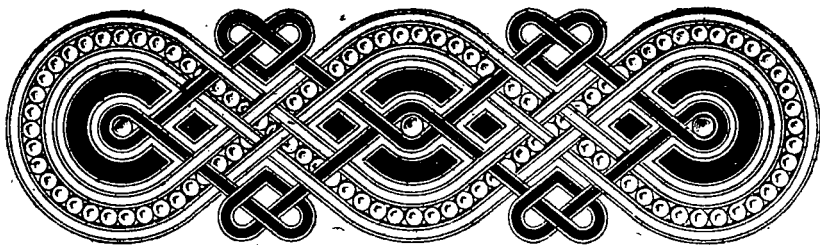

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

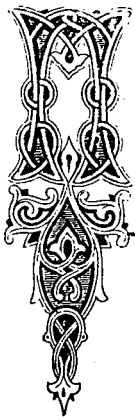
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ
ЮНЬ, 1915 Г.

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(На Сыръ-Дарьинской линіи).

ВЪ ТНАДЦАТАГО іюня этого года истекаетъ ровно пять-десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ крошечнаго отряда, затеряннаго въ знойныхъ дебряхъ Средней Азій, Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ покорилъ къ подножію русскаго престола Ташкентъ, столицу Коканскаго ханства.

Этимъ подвигомъ военной доблести и государственной мудрости, вопреки приказа военнаго министра «не отваживаться на штурмъ», Михаилъ Григорьевичъ упрочилъ наше положеніе въ Средней Азій, какъ онъ доносилъ въ своемъ рапортѣ, «согласно силѣ и могуществу Россіи».

Дальнѣйшія наши завоеванія были естественными послѣдствіями этого основнаго, кореннаго событія. Съ тѣхъ поръ расширеніе нашихъ границъ на этой окраинѣ можно уподобить разливу обширной рѣки, постепенно избыткомъ своихъ водъ покрывающей прилегающія мѣстности.

Когда въ 1863 году былъ поднятъ вопросъ о необходимости замкнуть разорванную линію нашихъ крѣпостей Казалинска и Вѣрнаго, то нельзя было въ Россіи пайти болѣе подходящаго по знанію края военачальника, нежели М. Г. Черняевъ, совершенно неожиданно завершившій это скромное предпріятіе громкимъ завоеваніемъ цѣлаго ханства.

Воинъ по семейнымъ традиціямъ, по призванію и воспитанію, онъ прошелъ высшій курсъ военныхъ наукъ въ академіи генераль-

наго штаба, а на поляхъ Молдавіи и Валахіи, въ Севастополѣ и на Кавказѣ вникнулъ въ многообразную практику военнаго искусства.

Но, кромѣ этихъ основательныхъ практическихъ и теоретическихъ данныхъ, онъ обладалъ спеціальными глубокими знаніями Средней Азiи, проведя съ 1858 года около двухъ лѣтъ на Сырь-Дарьинской линіи; аванпостъ нашихъ владѣній.

За это время, извѣдывъ эту страну буквально вдоль и поперекъ, онъ составилъ себѣ яркую и подробную картину всѣхъ условій мѣстной жизни, природы, а главное вникъ въ характеры различныхъ тамошнихъ племенъ и народовъ, понялъ ихъ духовную сущность и взаимоотношенія.

Въ свободное отъ занятій и командировокъ время онъ основательно ознакомился съ русской и иностранной литературой по географіи и исторіи Средней Азiи.

Но при этомъ нужно замѣтить, что, обладая яснымъ умомъ, онъ всегда практику и здравый смыслъ ставилъ на первомъ планѣ, возмущаясь преобладаніемъ надъ ними отвлеченныхъ теорій.

Въ 1857 году Михаилъ Григорьевичъ находился въ царствѣ Польскомъ, въ должности начальника штаба 3-й пѣхотной дивизіи, но, будучи воиномъ по природѣ и любя картинность и тревоги боевой жизни, онъ просилъ перевода въ Оренбургъ, гдѣ можно было предположить расширеніе нашихъ владѣній, а слѣдовательно и военныхъ дѣйствій.

Въ концѣ ноября 1857 года онъ былъ назначенъ состоять при отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ и тотчасъ же въ декабрѣ прибылъ къ мѣсту своего назначенія, гдѣ начальникомъ края и корпуснымъ командиромъ былъ въ то время генералъ-адъютантъ Катенинъ.

М. Г. Черняевъ, въ то время еще молодой, но уже опытный боевой полковникъ генеральнаго штаба, прекрасно владѣвшій перомъ, многосторонне образованный и дѣятельный, былъ весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ для этой отдаленной окраины, и начальство стало употреблять его на самыя разнообразныя работы и порученія.

31-го марта 1858 года онъ былъ посланъ съ капитаномъ перваго ранга Бутаковымъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ въ фортъ Перовскій, въ распоряженіе командующаго Сырь-Дарьинской линіей генералъ-маіора Данзаса съ тѣмъ, чтобы по утвержденіи штатовъ линіи занять тамъ мѣсто начальника штаба.

Въ то отдаленное отъ насъ время Сырь-Дарьинскую линію составляли три форта, расположенныхъ вдоль рѣки Сыра.

При широкомъ устьѣ ея; образующемъ цѣлое озеро Иланды-Телепъ, до впаденія ея въ Аральское море стоитъ фортъ № 1, или Казалинскъ, затѣмъ фортъ № 2, а на югѣ, крайнемъ предѣлѣ

со стороны Оренбурга нашихъ тогдашнихъ владѣній, была Акъ-Мечеть, или фортъ Перовскій, названный такъ въ честь его покорителя.

Казалинскъ отстоитъ отъ Перовска на разстояніи 316 верстъ. Обѣ эти крѣпости совместно съ фортомъ № 2 расположены на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, благодаря чему онѣ ограждены этою гигантскою рѣкой отъ нападенія азіатовъ съ запада.

На востокъ же отъ нея бродили въ то время въ степяхъ и пустыняхъ племена, подвластныя частью намъ, частью различнымъ азіатскимъ деспотамъ.

Хлѣбное зерно, скотъ и фуражъ для лошадей добывались русскою властью на мѣстѣ, все же остальное, нужное для жизни, обмундированія и вооруженія гарнизоновъ, привозилось изъ Оренбурга и развозилось по фортамъ на транспортахъ, сопровождаемыхъ казаками.

Караванная дорога между Казалинскомъ и Перовскомъ находилась въ самомъ первобытномъ состояніи, заносимая по мѣстамъ песками, а по другимъ въ половодье заливаемая многоводною Сыръ-Дарьею.

Между фортами на Сыръ-Дарьѣ предполагалось устройство пикетной дороги, то есть установленіе по ней ряда казацкихъ пикетовъ. Ближайшее назначеніе ея было двоякое: во-первыхъ, ускореніе почтового сообщенія взаимъ существовавшаго медленнаго и малонадежнаго посредствомъ киргизскихъ посыльныхъ, и, во-вторыхъ, для избѣжанія напряженія конвоя для транспортовъ и проѣзжающихъ на разстояніи болѣе 300 верстъ отъ форта до форта.

Съ устройствомъ же дороги конвой долженъ былъ смѣняться на каждомъ пикетѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ Михаила Григорьевича въ Казалинскъ эта работа была возложена на него генераль-майоромъ Данзасомъ. Черняевъ со свойственной ему добросовѣстностью тщательно изслѣдовалъ эту невѣдомую дотогѣ прирѣчную полосу великой азіатской рѣки и выбралъ вдоль ея мѣста для девяти пикетовъ, руководствуясь при этомъ различными практическими соображеніями относительно фуражировки и продовольствія казаковъ.

Подробный рапортъ по этому дѣлу былъ имъ поданъ генералу Данзасу.

Командировка въ степь составила первое и многостороннее ознакомленіе будущаго покорителя Ташкента съ дѣбрими Средней Азій, съ ея природой, характеромъ и обычаями ея обитателей.

Едва успѣлъ Михаилъ Григорьевичъ отдохнуть въ Казалинскѣ послѣ изслѣдованія пути до Перовска, какъ въ первыхъ числахъ іюня онъ выступилъ въ экспедицію капитана Бутакова на судахъ Аральской флотиліи къ городу Кунграду, расположенному на одномъ изъ рукавовъ Аму-Дарьи при впаденіи ея въ Аральское море.

Флотилія состояла изъ одного парохода «Перовска» и нѣсколькихъ баржъ.

Обязанности Михайла Григорьевича въ качествѣ офицера генеральнаго штаба заключались въ изслѣдованіи береговъ Аму и въ начальствованіи надъ сухопутнымъ десантомъ флотиліи.

Кунградцы, бывшіе данниками хивинскаго хана, только что объявили свою независимость, выбравъ самостоятельнаго правителя, Магометъ-Фаны. Хивинскій ханъ осадилъ Кунградъ, откуда были посланы въ Казалинскъ ходатаи съ просьбой о помощи. Для оказанія поддержки кунградцамъ русская власть и снарядила капитана Бутакова.

Объ этой, по его словамъ, «оригинальнѣйшей и сумасшедшей» экспедиціи Черняевъ оставилъ любопытный дневникъ, который при семъ и воспроизводимъ.

«Въ семь часовъ утра 19-го іюня 1858 года снялись мы съ якоря и вошли въ Кичкине-Дарью, поднимаясь по рѣкѣ со скоростью двухъ верстъ въ часъ. Въ тѣхъ же изгибахъ, гдѣ вѣтеръ позволялъ подымать паруса на баржахъ, ласъ показывалъ 4½ узла въ часъ, но при этомъ нужно вычесть быстроту теченія, на что полагають здѣсь два узла.

«Въ четверть двѣнадцатаго мы подошли къ Улькунъ-Дарьѣ, гдѣ силою теченія насъ снесло къ правому берегу, но мы тотчасъ же поправились и, поднявъ паруса на всѣхъ судахъ, двинулись со скоростью четырехъ миль въ часъ. При отдѣленіи Кичкине-Дарьи изъ Улькунъ-Дарьи построена кара-калпаками крѣпостца изъ дерна, имѣющая въ квадратѣ до 150 сажень. Вышина бруствера, почти отвѣснаго, около полуторы сажени. Внутренность крѣпостцы густо занята кибитками, также и ближайшія мѣста вокругъ. Вообще на всемъ пространствѣ отъ устья Кичкине-Дарьи до Улькауна разбросаны во множествѣ кибитки кара-калпаковъ, занимающихся здѣсь землешествомъ и рыболовствомъ.

«Берега Дарьи здѣсь низменны и представляютъ совершенно горизонтальную поверхность на 7½ аршина выше поверхности воды въ рѣкѣ во время разлива.

«У кара-калпаковъ есть множество лодокъ, построенныхъ изъ большихъ кусковъ дерева, скрѣпленныхъ желѣзомъ. Управляются онѣ въ неглубокихъ мѣстахъ шестами, а весла замѣняютъ лопатами. Употребленія парусовъ они не знаютъ.

«Во время слѣдованія нашего полудикіе обитатели этихъ мѣстъ выбѣгали къ берегу, чтобы смотрѣть на столь необыкновенное для нихъ зрѣлище. Женщины держались поодаль, вѣроятно, опасаясь, дабы не привлечь насъ своими прелестями, которыя выказывались изъ-подъ рубищъ.

«Положеніе кара-калпаковъ весьма бѣдственно, о чемъ можно заключить по ихъ одеждѣ, состоящей буквально изъ однихъ рубищъ, а нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ чѣмъ прикрыть отъ палящаго зноя верхней части тѣла. Дѣти почти всѣ нагія. Нѣсколько чело-вѣкъ, бывшихъ у насъ на судахъ, сами подтверждали это, говоря, что опредѣленной подати у нихъ нѣтъ, но что хивинцы берутъ съ нихъ все, что только могутъ. Кромѣ того, они подвергаются нападе-ніямъ туркменовъ, противу которыхъ и построены крѣпостцы ихъ. Число кибитокъ, видѣнныхъ нами съ парохода, доходить до десяти тысячъ, не менѣе.

«Пройдя нѣсколько верстъ по Улькунъ-Дарьѣ, мы встрѣтили еще крѣпостцу наподобіе первой. Живущіе въ ней и кочующіе вокругъ киргизы и кара-калпаки въ числѣ около тысячи кибитокъ выбѣжали всѣ на берегъ смотрѣть на насъ. За этой крѣпостцой вскорѣ прекра-тились кочевья, и мы вступили въ камыши, залитые въ настоящее время водой.

«Въ половинѣ девятого мы бросили якоря для почевки. Ночлегъ нашъ былъ очень безпокоенъ: милліарды комаровъ искусапи насъ такъ, что можно было подумать, что мы больны крапивной лихорадкой. Въ четвертомъ часу мы тронулись дальше по тѣмъ же камышамъ.

«Улькунъ-Дарья, повидимому, составляетъ главное русло. Глу-бина ея во многихъ мѣстахъ на значительномъ протяженіи доходитъ до шести съ половиною сажень, а наименьшая глубина три сажени, средняя глубина четыре сажени. Хотя въ настоящее время вода на прибыли, но едва ли можно предположить, чтобы она поднялась болѣе полуторы сажени. Вода здѣсь не такъ мутна, какъ въ Сыръ-Дарьѣ. Кажется, это происходитъ оттого, что, выступивъ изъ бе-реговъ, она очищается камешками и снова вливается въ русло. По мѣрѣ приближенія нашего къ Кунграду глубина и ширина рѣки начали уменьшаться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина была менѣе ста сажень, а глубина доходила до одной сажени. Берега предста-вляютъ необозримые камыши, залитые въ настоящее время фуа на два водою, а мѣстами изъ рѣки вытекаетъ протоками вода, образуя-щая озера.

«Два киргиза, перекочевавшіе въ прошломъ году въ наши пре-дѣлы, взялись провести наши суда этими озерами въ Аму-Дарью, выше Кунграда. Но такъ какъ рѣка не была достаточно глубока, мы не рѣшились слѣдовать по неизвѣстному намъ пути. Вообще съ того мѣста, гдѣ прекратились кочевья кара-калпаковъ, до самой горы берега не представляютъ никакихъ удобствъ для осѣдлой жизни, но мѣста эти весьма удобны для зимнихъ кочевій. Здѣсь нѣтъ ауловъ, только изрѣдка виднѣются отдѣльныя глиняныя строе-нія съ плоскими крышами, въ настоящее время пустыя. Но при до-махъ этихъ, обитаемыхъ, вѣроятно, только когда спадетъ вода, есть сады изъ ябъ и тополей.

«Въ девять часовъ утра мы встрѣтили лодку кара-калпаковъ, отъ которыхъ узнали, что хивинскій ханъ расположился съ войскомъ на островѣ, образуемомъ Аму-Дарьей и притокомъ Кульденъ, чрезъ который намъ предстоитъ путь. Шириною онъ 30—40 сажень. Мы стали на якорь, и тотчасъ же команда была отпущена для ловли рыбы. Въ самое короткое время ею было наловлено множество сазановъ.

«21-го іюня, въ четыре часа утра снялись мы съ якоря. У песчаной горы, въ первый разъ по переходѣ черезъ баръ, мы сѣли на мель, но вскорѣ стащились. Выше горы, съ правой стороны виднѣлось кладбище, памятники на немъ были въ видѣ двухъэтажныхъ домовъ съ глухими окнами, безъ крыши.

«Пройдя еще версты двѣ, мы увидѣли на песчаномъ высокомъ холмѣ небольшую толпу всадниковъ. Приблизясь къ горѣ, одинъ изъ нихъ выѣхалъ къ берегу и сталъ требовать отъ имени хана, чтобы мы не шли дальше. Не отвѣчая ему, мы продолжали нашъ путь и поровнялись съ многочисленными толпами всадниковъ, обступившихъ берегъ съ нашей правой стороны, и съ горы, находящейся верстахъ въ трехъ, неслись къ берегу новыя толпы съ бунчуками. Еще нѣсколько человекъ кричали намъ, чтобы мы остановились. Мы не отвѣчали и двигались впередъ. Тогда изъ толпы одинъ человекъ слѣзъ съ лошади и, подойдя къ самой водѣ, закричалъ: «Я Мужга-Машутъ, старшина кара-калпаковъ, остановитесь и скажите, кто вы: враги или друзья?»

«Отвѣта не послѣдовало, но въ это же самое время мы сѣли на мель въ виду всего хивинскаго воинства, доходившаго до шести тысячъ человекъ и болѣе. Въ это время я успѣлъ разсмотрѣть составъ этой разнородной толпы. Въ составѣ этого скопища было около 200 человекъ пѣхоты, вооруженной ружьями и саблями. Полурегулярная кавалерія въ числѣ около двухъ тысячъ человекъ вооружена пиками, пашками и ружьями. Иррегулярныя скопища на половину только имѣли ружья съ сошками, остальные вооружены—кто пикой и пашкой, а кто одной пикой.

«Увидѣвъ, что мы остановились, хивинцы начали насыпать валикъ, чтобы размѣстить свои орудія, которыя прикрывала пѣхота и регулярная конница. Орудій были десять, изъ нихъ, кажется, четыре мортиры. Всѣ они везлись на лошадяхъ, а заряды на парѣ воловъ, запряженныхъ гусемъ.

«Чтобы стянуться съ мели, на которой мы сидѣли, всѣ люди, за исключеніемъ артиллерійской прислуги, были посланы въ воду, гдѣ барки притянулись къ пароходу теченіемъ и закрыли другъ друга, такъ что одно время только одно орудіе могло дѣйствовать по хивинцамъ.

«Ханъ съ своими приближенными находился на Кюбе-Тау. Въ это время хивинцы, желая во что бы то ни стало вступить съ нами

въ переговоры, закричали, что изъ Оренбурга есть почта, и въ то же время одинъ человекъ, поспѣшно раздѣвшись, бросился плыть къ пароходу, гдѣ султанъ Сейдаминъ узналъ въ немъ посланнаго отъ султана-правителя и потому онъ былъ нами принятъ на пароходъ. Киргизъ этотъ объявилъ, что онъ имѣлъ три письма, что его перехватили, отобрали письма, все имущество, лошадь и деньги, что держали его подъ арестомъ безъ пищи и, когда онъ попросилъ напиться, дали ему горьковатую воду, отъ которой у него сдѣлались судороги въ желудкѣ. Когда же онъ сказалъ объ этомъ Азбергеню, то послѣдній далъ ему противоядіе. Докторъ нашъ по свидѣтельствуваніи его нашелъ, что онъ былъ отравленъ. Киргизъ этотъ объявилъ намъ, что хивинскій ханъ не рѣшилъ еще, какъ принять насъ, что Азбергенъ находится съ своими приверженцами въ его войскѣ. Капитанъ Бутаковъ отправилъ Утайли на берегъ съ тѣмъ, чтобы ему возвратили письма и его имущество.

«Въ это время мы увидѣли около ста лодокъ различной величины, поспѣшно спускавшихся съ верховой стороны, мимо нашихъ судовъ. Лодки эти совершенно сходны съ описанными уже лодками, но нѣкоторыя изъ нихъ были довольно значительныхъ размѣровъ. Самая большая изъ нихъ принадлежала хивинскому хану и могла поднять человекъ 50. Она имѣла навѣсъ наподобіе балдахина. На лодкѣ этой, какъ мы узнали послѣ, находился Мехпиръ съ ханскою казною. Когда лодки прошли, то вскорѣ орудія, находившіяся за сдѣланнымъ прикрытіемъ, потянулись въ обходъ къ Кюбе-Тау, а вслѣдъ за ними потянулись и толпы всадниковъ. На послѣдокъ прошла регулярная конница, около тысячи человекъ, и пѣхота, одѣтая въ красные кафтаны, прошла лихо по самому берегу, вѣроятно, съ цѣлью показать могущество хана.

«Киргизъ Утайли былъ перевезенъ къ намъ на пароходъ съ платьемъ, но безъ писемъ, въ лодкѣ двумя хивинцами, которые требовали его возвращенія, что, конечно, не было исполнено и они успокоились. Хивинцы эти также требовали, чтобы мы дали письменный отвѣтъ хану, куда мы идемъ и зачѣмъ.

«Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ имъ на словахъ, что мы идемъ не противъ нихъ, а въ Бухару. Когда хивинцы начали удаляться, то и мы успѣли стащить съ мели и тронулись далѣе. Пройдя еще нѣсколько верстъ, мы дошли до протока, который страннымъ образомъ раздѣляетъ воды свои на двѣ противоположныя стороны. Одна часть воды поворачиваетъ направо и образуетъ начало Улькунъ-Дарыи, а другая налево, протокъ Кульденъ. Поднявшись по Кульденю версты три, мы остановились на ночлегъ за мелководьемъ. Шлюпка, посланная впередъ для промѣровъ, нашла глубину всего въ два съ половиною фута, а пароходъ «Перовскій» сидѣлъ въ водѣ четыре съ четвертью фута.

«Вечеромъ для обезпеченія себя отъ нечаянной тревоги или па-

паденія нужно было выставить два секрета: одинъ со стороны хивинцевъ, а другой со стороны Кунграда. Поставивъ одинъ секретъ и возвращаясь къ пароходу, я пораженъ былъ сильнымъ запахомъ гніющаго тѣла. Предполагая, что этотъ запахъ происходитъ отъ упавшей скотины, я не обратилъ на это вниманія, но на другой день смѣнившійся съ секрета І. О. доказалъ, что шагахъ въ двадцати отъ берега лежитъ трупъ человѣка. Мы пошли посмотрѣть и увидѣли обезглавленное тѣло, у котораго отъ локтей и отъ колѣнъ снята была кожа. Это образчикъ мести хивинскаго хана надъ попавшимся въ его руки возмущившимся подданнымъ.

«22-го іюня рано утромъ человѣкъ тридцать туркменовъ подъѣхали къ пароходу и послѣ привѣтствія объявили, что они отправляются въ погоню за хивинцами. Цѣль ихъ была захватить кого-либо отъ отставшихъ и за голову получить вознагражденіе.

«Часовъ въ семь утра пріѣхалъ на пароходъ отъ правителя Кунграда Шахъ-Ніязъ, пріѣзжавшій въ Оренбургъ съ просьбою о помощи.

«Находившаяся впереди мель препятствовала судамъ идти далѣе безъ выгрузки. Капитанъ Бутаковъ отправилъ меня, штабсъ-капитана Стаховскаго и подпоручика султана Сейдамина въ Кунградъ выбрать мѣсто для стоянки и вмѣстѣ поздравить правителя Магометъ-Фаны съ избавленіемъ отъ осады. При этомъ мнѣ поручено было просить о присылкѣ лодокъ для выгрузки тяжестей съ нашихъ судовъ. Мы поѣхали на туркменскихъ лошадяхъ, и я въ первый разъ испыталъ ихъ достоинство. Канавы, черезъ которыя перескакивали эти лошади, были такихъ размѣровъ, что черезъ нихъ на нашихъ лошадяхъ самый смѣлый всадникъ не могъ бы рѣшиться прыгать. Между тѣмъ туркменская лошадь преодолеваетъ ихъ необыкновенно плавно, почти безъ напряженія.

«Кунградъ отъ того мѣста, гдѣ остановились наши суда, находится верстахъ въ пяти. Все это пространство изрѣзано по всѣмъ направленіямъ ирригаціонными канавами, большею частью обсаженными пирамидальными тополями и ивами. Контуры садовъ также обрисованы тополями. Верхушки всѣхъ деревъ были слѣва срублены, и мы не могли догадаться о причинѣ этого, пока не подъѣхали къ высокой насыпи, окананной валомъ на самомъ берегу рѣки. Съ насыпи этой хивинцы стрѣляли изъ орудій внутрь города, а потому высота ея равнялась высотѣ городской стѣны. Валъ, окружающій насыпь, служилъ укрѣпленіемъ для караула. Для этой цѣли хивинцы срубали верхи деревьевъ, пересыпая ихъ землею ¹⁾.

«По мѣрѣ приближенія нашего къ берегу Талдыка, на противоположной сторонѣ котораго лежалъ Кунградъ, туркмены встрѣ-

¹⁾ Хивинцы осадили было Кунградъ, откуда были отправлены ходатаи просить помощи у русскихъ, что и вызвало экспедицію капитана Бутакова.

чали насъ, выражая свою радость стрѣльбой и джигитовкой. У берега мы нашли нѣсколько лодокъ. На лучшую изъ нихъ мы сѣли сами, а на другую поставили лошадей.

«Лодки эти построены по образцу съ кара-калпакскими, описанными выше. Составлены онѣ изъ кусковъ дерева, скрѣпленныхъ желѣзомъ, не законопачены, онѣ пропускаютъ много воды, которую во все время переѣзда приходится вычерпывать. Чтобы не промочить ногъ, на дно лодки набрасываютъ травы или хворосту.

«На противоположномъ берегу, въ который упираются стѣны Кунграда, насъ ожидало все населеніе города. Изъ толпы часто въ нашу честь слышались выстрѣлы. Выходя на берегъ, я далъ лодочникамъ по рублю серебромъ. Это крайне удивило всѣхъ присутствовавшихъ и возбудило еще болѣе восторгъ. Намъ подвели снова лошадей, ихъ подвели подъ уздцы въ знакъ уваженія. Нѣсколько человекъ разгоняли народъ, хлопая нагайками куда ни попало, въ надеждѣ обратить наше вниманіе и еще болѣе увеличить торжественность въѣзда. Пройдя нѣсколько шаговъ, мы въѣхали въ ворота Кунграда. Здѣсь я останавлиюсь, чтобы сдѣлать описаніе самаго Кунграда.

«Кунградъ представляетъ большое пространство, огражденное глиняною стѣною съ зубцами, служащими для защиты отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Высота стѣны равняется тремъ саженимъ, толщина ея у основанія двѣ сажени, а вверхъ одинъ футъ. Съ наружной стороны треугольный ровъ шириною въ двѣ сажени, съ внутренней стороны у самой подошвы стѣны есть также ровъ, образовавшійся при возведеніи стѣны отъ выемки земли. Съ внутренней стороны всходъ на стѣну возможенъ только въ немногихъ мѣстахъ и то крайне затруднителенъ, хотя банкетъ около аршина ширины вездѣ существуетъ. Словомъ, съ внутренней стороны такъ же трудно попасть на стѣну, какъ и съ наружной. Этотъ способъ укрѣпленія указываетъ и на способъ атаки и обороны¹⁾. Военскія скопища здѣшнихъ народовъ состоятъ исключительно изъ одной конницы. Хотя у хивинскаго хана наберется до 300—400 человекъ пѣхоты (сарбазовъ), но они имѣютъ такой жалкій видъ, что ихъ въ соображеніе и принимать не стоитъ. Артиллерія въ самомъ жалкомъ состояніи имѣется только у хивинцевъ. Поэтому осаждающій, обложивъ крѣпость, ставитъ на высотѣ, вѣ ружейнаго выстрѣла свои орудія, или если нѣтъ такой высоты, то дѣлаетъ искусственную насыпь выше городскихъ стѣнъ и стрѣляетъ внутрь города. Съ своей стороны, осажденный сосредоточиваетъ всѣ средства обороны у воротъ. Въ такомъ положеніи остаются враждующія стороны, пока голодъ или измѣна не отдадутъ крѣпости въ руки побѣдителя. Въ

¹⁾ Эти наблюденія надъ способомъ веденія войны азіатцевъ, конечно, въ послѣдствіи были приняты Михаиломъ Григорьевичемъ къ свѣдѣнію.

этомъ случаѣ, чтобы умиловить побѣдителя, ему подносятъ вмѣсто ключей головы главныхъ начальниковъ. Несмотря на это, онъ ознаменовываетъ свое торжество казнями. Часто также случается что осаждающіе, истощивъ всѣ средства продовольствія, расходятся по домамъ. Штурмъ рѣдко предпринимается, обвалы въ стѣнѣ при отчаянномъ состояніи артиллеріи малаго калибра и отсутствіи разрывныхъ снарядовъ сдѣлать почти невозможно.

«Крѣпости хивинскія не вооружены пушками, за исключеніемъ Бента у выхода изъ Аму-Лаудана, гдѣ имѣются три орудія весьма малаго калибра. Внутренность Кунграда представляетъ въ настоящее время самый печальный видъ. Дома представляютъ одиѣ голыя стѣны безъ крышъ. Только домъ бывшаго эсаула-баши Кутлу-Мурата, занимаемый нынѣ правителемъ Кунграда, уцѣлѣлъ и еще нѣсколько ближайшихъ къ нему мазанокъ, въ которыхъ помѣщаются пустыя лавки. Остальное пространство занято кибитками, густо поставленными, въ которыхъ помѣщаются жители вмѣстѣ съ пришедшими къ нимъ на помощь туркменами. Вездѣ страшная грязь и нечистота. При вѣздѣ нашемъ въ городъ повторилась сцена, бывшая на берегу. Оборванная толпа провожала насъ до самаго дома Магомета-Фаны. У воротъ дома лошадей нашихъ снова взяли подъ уздцы и ввели черезъ дворъ между двумя шеренгами туркменъ и узбековъ, изъ коихъ многіе были вооружены двухствольными охотничьими ружьями. Войство это было поставлено съ цѣлью показать могущество избраннаго хана.

«Сойдя съ лошадей, мы вошли чрезъ темный коридоръ подъ навѣсъ, гдѣ находился Магометъ-Фана съ своими приближенными. Тронный залъ Магометъ-Фаны составляетъ небольшой дворикъ, покрытый до половины, другая половина крыши не имѣетъ для освѣженія воздуха и для того, чтобы по вечерамъ можно было отъ комаровъ раскладывать курево. Направо отъ дверей находились подмостки, весьма грубо сколоченные, аршина въ полтора вышиною, даже не окрашенные, на подмосткахъ разостланъ былъ коверъ. Это возвышеніе составляло тронъ избраннаго кунградцами хана.

«При входѣ нашемъ онъ сидѣлъ на своемъ тронѣ, самые приближенные на коврахъ, разостланныхъ по обѣимъ сторонамъ его, остальные, въ числѣ около пятидесяти человѣкъ, стояли и сидѣли поодаль. Магометъ-Фаны-Софи—человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, атлетическаго сложенія, его густая черная борода отгнѣняетъ лицо, которое можно бы назвать красивымъ, если бы въ немъ было болѣе выраженія. Вглядываясь въ черты лица, какъ-то не вѣрится, что этотъ человѣкъ безъ всякихъ средствъ успѣлъ сдѣлать переворотъ, объявить себя независимымъ отъ хивинскаго хана и девять мѣсяцевъ держался на своемъ мѣстѣ. Кажется, онъ былъ только предлогомъ для безпокойныхъ и жадныхъ къ добычѣ туркменъ, въ рукахъ которыхъ онъ совершенно находился. Перевороту этому также

много способствовали несправедливости и жестокости его предшественника.

«На выраженное мною привѣтствіе отъ имени начальника экспедиціи капитана Бутакова и на поздравленіе объ избавленіи Кунграда отъ осады хивинцами, которые, узнавъ о нашемъ прибытіи, поспѣшно удалились, Магометъ-Фаны отвѣчалъ, что онъ давно насъ ждалъ, что мы его избавители и что онъ самъ, весь народъ, все имущество, жены и дочери принадлежатъ намъ и что въ точности будутъ исполнены всѣ наши требованія. Когда я ему передалъ, что суда наши за мелководьемъ не могутъ прямо прибыть къ Кунграду и что начальникъ экспедиціи проситъ его содѣйствія для пайма лодокъ для скорѣйшей перегрузки, то онъ отвѣчалъ, что сейчасъ же сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы всѣ лодки прибыли къ намъ безплатно. Я поблагодарилъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что лодочникамъ будетъ заплачено, потому что мы ничего безъ платы брать не станемъ. Отвѣтъ мой возбудилъ удовольствіе присутствующихъ, привыкшихъ къ насиліямъ своихъ союзниковъ-туркменъ.

«Насъ пригласили сѣсть и подали намъ чурекъ (лепешки), маленькую голову сахару и корзину абрикосовъ. Мы оставили въ сторонѣ чурекъ и сахаръ и обратили свое вниманіе на абрикосы. Когда мы приступили къ прощанью, одинъ изъ прислужниковъ хана сталъ разносить абрикосы присутствующимъ, въ томъ числѣ поднесъ и казаку, бывшему съ нами. Казакъ спросилъ у меня разрѣшенія взять предлагаемое, что привело въ неописуемое недоумѣніе туземцевъ, не имѣющихъ никакого понятія о дисциплинѣ вообще и нашей въ особенности.

«Я спросилъ хана, много ли вреда нанесли имъ хивинцы во время осады. Онъ отвѣчалъ, что всѣ сады и пашни на противоположномъ берегу уничтожены. Къ этому онъ прибавилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ милосердный Богъ помогъ ему умертвить Кутлу-Мурата¹⁾ со всѣми его приверженцами, прошло уже девять мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онъ и весь народъ разорились на содержаніе союзниковъ ихъ туркменъ, что у него въ настоящее время, кромѣ сабли, которую онъ поднялъ, ничего не осталось и что онъ возлагаетъ всю свою надежду на насъ.

«Обмѣнявшись съ нимъ еще нѣсколькими фразами, я простился и просилъ дать мнѣ провожатыхъ для выбора мѣста для отряда. Онъ тотчасъ же исполнилъ мою просьбу, прибавивъ, что въ нашей волѣ остановиться гдѣ намъ будетъ угодно, въ самой ли крѣпости, внѣ оной или въ одномъ изъ садовъ его.

«Взобравшись съ трудомъ на городскую стѣну, мы могли обозрѣть весь городъ съ ближайшими окрестностями и выбрали для

¹⁾ Ифратно, предшественникъ Магомета-Фаны.

первоначальной стоянки мѣсто на берегу у юго-восточнаго угла крѣпости, вѣдѣ оной, чтобы быть вблизи своихъ судовъ. Вслѣдъ за тѣмъ уже изъ любопытства мы поѣхали осматривать ханскій садъ. Принадлежалъ онъ бывшему правителю Кунграда Кутлу-Мурату, но умерщвленіи котораго перешелъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ къ Магометъ-Фаны. Садъ этотъ или, лучше сказать, загородный домъ находится въ двухъ верстахъ отъ городскихъ стѣнъ и въ одной верстѣ отъ берега. Онъ обведенъ глиняною стѣною съ зубцами наподобіе описанной уже нами кунградской стѣны, но въ меньшихъ размѣрахъ.

«Къ одной части стѣны пристроенъ домъ. Внутренность его довольно обширна и состоитъ изъ множества темныхъ коридоровъ и комнатъ. Окно нигдѣ нѣтъ, и свѣтъ проходитъ или въ двери, или чрезъ отверстія въ плоской крышѣ. Нѣкоторыя комнаты расписаны изразцами. Въ саду растутъ тополи, абрикосовыя и грушевыя деревья и яблони. Вокругъ стѣнъ расположены гряды съ дынями, арбузами и засѣяны джуржой. Садъ, составляя совершенно отдѣльную крѣпостицу, былъ бы очень удобенъ для помѣщенія нашего маленькаго отряда, если бы былъ ближе къ берегу. Съ другой стороны, удаленіе отъ города могло уменьшить наше вліяніе на необузданныхъ туркменъ, распорядившихся тамъ съ безграничнымъ произволомъ.

«Возвратившись къ берегу, мы сѣли въ лодки и спустились внизъ по Талдыку до притока Кульденъ, а отсюда потянулись бечевою до мѣста стоянки нашихъ судовъ. Все время осмотра нами мѣстности намъ сопутствовали малолѣтній сынъ и племянникъ Магометъ-Фаны. Они очень привязались къ намъ, особенно къ султану Сейдамину.

«По прибытіи на пароходъ мы застали тамъ туркменскихъ старшинъ. Они пріѣхали подъ предлогомъ поздравить насъ съ пріѣздомъ, но въ сущности чтобы сосчитать насъ и въ надеждѣ получить подарокъ, о чемъ и сообщили черезъ своего писаря. На это имъ отвѣтили, что мы пришли по вашей же просьбѣ и для вашего же спасенія, а потому и не видимъ никакой причины одаривать васъ, пока вы не заслужите этого. Старшины просили, чтобы имъ дали одну пушку и десять человѣкъ русскихъ для преслѣдованія хивинцевъ и отбитія всего, что ими забрано, въ особенности же чтобы отнять плѣнныхъ и захваченныя лодки. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что для преслѣдованія хивинцевъ они не достаточно сильны и что на это онъ не имѣетъ разрѣшенія генераль-губернатора. Тогда они просили дать имъ желаемую пушку для того, чтобы прикрывать землепашцевъ отъ хивинцевъ во время наступающей уборки хлѣба. Капитанъ Бутаковъ согласился дать имъ пятьдесятъ человѣкъ съ ракетнымъ станкомъ, но съ тѣмъ, чтобы туркмены дали подъ пашихъ солдатъ лошадей и чтобы тѣ, которые къ намъ присоеди-

няты, были въ полномъ повиновеніи у русскаго офицера. Они замолчали. Словомъ, ясно было, что они желали воспользоваться нами для грабежа.

«Во время поѣздки нашей въ Кунградъ туркмены, подъѣзжавшіе рано утромъ къ пароходу и отправившіеся на добычу за хивинцами, возвратились, отбивъ восемь человѣкъ своихъ плѣнныхъ и поднесли капитану Бутакову голову, говоря, что Магометъ-Фаны платили имъ за голову двадцать тиллей (40 руб. сер.), а они слышали, что русскіе платятъ вдвое дороже. Голову эти они сняли съ старухи и, чтобы ее сдѣлать похожею на мужскую бритую, повыдергали волосы. Имъ отвѣчали, что русскіе за головы ничего не даютъ. Они съ неудовольствіемъ отправились за платою къ Магометъ-Фаны.

«Посланная для промѣра шлюпка возвратилась вечеромъ съ извѣстіемъ, что въ протокъ во многихъ мѣстахъ только два фута глубины. Слѣдовательно, пароходъ не могъ идти къ Кунграду, куда могли пройти съ большимъ трудомъ однѣ баржи, сгрузивъ предварительно всю тяжесть на берегъ. Весь день 23-го числа прошелъ въ перегрузкѣ, а къ вечеру мы вышли въ Талдыкъ.

«По желанію начальника экспедиціи въ тотъ же вечеръ правитель Кунграда долженъ былъ собрать своихъ приближенныхъ и принять насъ для выслушанія воли генераль-губернатора. Съ капитаномъ Бутаковымъ отправились всѣ офицеры, участвовавшіе въ экспедиціи, за исключеніемъ двухъ ¹⁾. Сѣли мы въ шлюпки въ 9 часовъ вечера, когда уже совершенно стемнѣло, высадились на берегъ, сѣли на лошадей и, проѣхавъ около полуторы версты вдоль городской стѣны по тропинкѣ, прерываемой безпрестанно глубокими канавами, подъѣхали къ воротамъ, гдѣ находился небольшой караулъ, расположившійся уже спать. Шитые мундиры наши имѣли слой пыли въ палецъ. Жители уже всѣ спали, а потому на улицахъ было пусто, и мы въ этотъ разъ не были обезнокоены толпами народа.

«Подъѣхавъ къ воротамъ ханскаго дома, насъ остановили и продержали около пятнадцати минутъ. Потомъ мы въѣхали во дворъ, слѣзли тамъ съ лошадей и вошли уже пѣшкомъ подъ навѣсъ, гдѣ въ первый разъ мы въѣхали на лошадяхъ. Мы вошли въ описанную уже нами аудіенцъ-залу или тронную залу, освѣщенную костромъ и наполненную народомъ. Магомета-Фаны тамъ не было. Для капитана Бутакова приготовлено было точно такое же возвышеніе, какъ мною описано было выше. Для лицъ, его сопровождавшихъ, были поставлены низенькія табуретки, покрытыя весьма сомнительными коврами. Когда мы усѣлись, намъ принесли прежнее угощеніе.

«Черезъ нѣсколько времени довѣренное лицо хана Шахъ-Нояръ сказалъ капитану Бутакову, что ханъ только что возвратился съ

¹⁾ Офицеры эти были: подп. Черняевъ, штабсъ-капитанъ Стаховичъ, лейтенанты В. и А., штабсъ-капитанъ Пон. и прап. Певст.

прогулки и просить отложить аудіенцію до утра по случаю поздняго времени. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что Магометъ-Фаны согласился прежде на поздній пріѣздъ и потому теперь откладывать нельзя. Черезъ четверть часа новаго ожиданья явился наконецъ Магометъ-Фаны. Впереди него шли два человѣка, держа сальные огарки. Присутствующіе привѣтствовали его селямомъ.

«Когда онъ взошъ на свое мѣсто, мы подошли въ нему, и послѣ пожатія рукъ капитанъ Бутаковъ объяснилъ ему цѣль нашего прібытія и предложенныя генераль-губернаторомъ условія, заключающіяся въ слѣдующемъ:

«1) Примириться съ нашими киргизами; 2) защищать бухарскіе караваны, слѣдующіе въ Россію по правому берегу Аму и не препятствовать хивинскимъ караванамъ привозить въ наши предѣлы свои товары; 3) содѣйствовать заготовленію топлива для нашихъ судовъ и снабженію нашего отряда продовольствіемъ, разумѣется, за плату.

«Имъ объявлено было также, что по ихъ просьбѣ для облегченія торговыхъ сношеній ихъ съ Россіей посылается команда для осмотра береговъ Каспійскаго моря, и для открытія ярмарки избирается соотвѣтствующій пунктъ и что они также должны содѣйствовать всѣмъ требованіямъ начальствующихъ надъ этой командой. Имъ было сказано при этомъ, что отрядъ нашъ, избавивъ ихъ уже отъ осады хивинцевъ, не можетъ остаться на зиму въ Кунградѣ за недостаткомъ помѣщенія и продовольствія.

«При объявленіи этихъ условій Магометъ-Фаны и его приближенные отвѣчали, что защищать бухарскіе караваны они не могутъ, не зная, гдѣ и когда будутъ проходить они, тѣмъ болѣе, что всѣ бухарскіе караваны проходятъ вдали отъ Кунграда. Что же касается пропуска хивинскихъ каравановъ, то видно было, что это требованіе совершенно не согласуется съ ихъ понятіями. Они говорили, что хивинцы истребили ихъ пашни, сады, захватили большую часть лодокъ и увели болѣе сорока человѣкъ въ неволю и что все это требуетъ возмездія, если имъ за эти убытки не заплатятъ.

«Когда капитанъ Бутаковъ сказалъ имъ, что русское правительство настаиваетъ на этомъ потому, что въ этомъ замѣшаны выгоды русскихъ, то отвѣчали: «ну, хорошо, мы будемъ пропускать караваны въ Россію и грабить ихъ, когда они будутъ возвращаться въ Хиву».

«Магометъ-Фаны послѣ этого стали просить оставить ему на защиту Кунграда хотя бы двѣсти человѣкъ и дать ему вооруженную помощь, чтобы идти противъ хивинцевъ и отобрать у нихъ плѣнныхъ и добычу, захваченную ими въ окрестностяхъ Кунграда. При этомъ онъ повторилъ сказанное мнѣ при первомъ свиданіи, что онъ самъ и народъ его въ эти девять мѣсяцевъ совершенно разорились и что у него, кромѣ сабли, ничего не осталось.

«Капитанъ Бутаковъ сказалъ ему, что въ этомъ отношеніи гене-

ралъ-губернаторъ приказалъ ему помочь по возможности, что же касается вооруженной поддержки противъ хивинцевъ, то это неисполнимо. Тогда онъ сталъ просить помощи для подчиненія своей власти кара-калшаковъ. Но и на это капитанъ Бутаковъ отвѣтилъ ему отрицательно, говоря, что мы присланы защищать ихъ, а не дѣлать для нихъ завоеванія. Въ заключеніе Магометъ-Фаны спросилъ: признаетъ ли его русское правительство ханомъ? Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ на это, что мы присланы къ нему, какъ къ правителю Кунграда.

«По этой аудіенціи можно было вывести слѣдующее заключеніе: Магометъ-Фаны ожидалъ присылки къ нему отряда постоянного и болѣе значительнаго и также денежнаго пособія. Въ такомъ только случаѣ онъ могъ отдѣлаться отъ своихъ безпокойныхъ союзниковъ туркменъ, въ рукахъ которыхъ онъ всецѣло находился, и содѣйствовать видомъ нашего правительства.

«Съ уходомъ нашей экспедиціи онъ снова былъ предоставленъ въ руки туркменъ и потому весьма понятно, почему ему приходилось подчиняться ихъ, а не нашему вліянію ¹⁾. Туркмены-ямуды ничѣмъ не обнаружили желанія принять русское подданство. Народъ этотъ привыкъ добывать себѣ хлѣбъ грабежомъ и войною. Болѣе всего онъ дорожитъ необузданной свободой и ни на какія блага ее не промѣняетъ, если съ ними связаны порядокъ и благоустройство. Менѣе, чѣмъ кто-либо, они подготовлены къ принятію какого-либо гражданскаго устройства. Бесплодные и безводныя мѣста, занимаемые ими, мало способствуютъ земледѣлію и скотоводству, а потому они существуютъ почти исключительно грабежомъ и торгомъ невольниками. Смуты, раздирающія Хивинское ханство, доставляютъ имъ возможность наниматься или у хивинскаго хана для усмиренія его подданныхъ, или помогать послѣднимъ въ возмущеніяхъ противу хана, словомъ, это кондотьеры новѣйшихъ временъ. Обѣщанія и клятвы ихъ нельзя вполнѣ вѣрить. Они до тѣхъ поръ держатъ свое слово, пока это имъ выгодно или надъ ними стоитъ угроза. Поговорка ихъ: «Туркменъ на лошади не знаетъ ни отца, ни матери», характеризуетъ ихъ вполнѣ. Въ числѣ старшинъ, помогающихъ Магомету-Фаны, есть двое племени ижиреле Ауазманбать и Салакъ-Клычкара, которые поклялись хивинскому хану доставить ему голову Магомета-Фаны, получили за нее половину условленной платы впередъ, и первый изъ нихъ оставилъ даже заложникомъ сына своего.

¹⁾ Экспедиція эта не только не привлекла къ намъ кунградцевъ, но едва не привела къ истребленію всего отряда. Практичность и здравомысліе побуждали впослѣдствіи Михаила Григорьевича дѣйствовать совершенно иначе, что, несмотря на располагаемыя имъ крайне небольшія денежныя и военныя силы, привело къ возвеличенію русскаго имени въ Средней Азіи сообразно съ мощью великаго государства нашего.

«Они не признаютъ никакихъ властей, старшины ихъ имѣютъ очень мало вліянія, а ханъ ихъ Атамуратъ еще меньше. Изъ всего этого видно, что депутація, присланная въ прошломъ году къ генераль-губернатору и повторенная этой зимой, никакъ не можетъ служить выраженіемъ общаго желанія племени ямудъ на принятіе русскаго подданства. Депутація эта снаряжена была Атамуратомъ и небольшимъ числомъ его приверженцевъ, желающихъ посредствомъ русскихъ увеличить и упрочить свое вліяніе надъ соплеменникамъ.

«Когда капитанъ Бутаковъ сказалъ однажды старшинамъ, что туркмены просили генераль-губернатора о принятіи ихъ въ русское подданство, то они отвѣчали: «да, нѣкоторые хотѣли этого». Самое понятіе ихъ о подданствѣ не сходно съ нашимъ. Подданство они разумѣютъ какъ службу за опредѣленную плату, безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и распри. Эти понятія ясно выразили старшины ихъ во время сѣзда для примиренія съ киргизами.

«Старшины сказали капитану Бутакову: «Когда мы служили хивинскому хану, то получали отъ него поденную плату и, кромѣ того, Магометъ-Фаны, его противникъ, за каждую подносимую ему голову то же самое давалъ намъ, теперь у него ничего нѣтъ. Если русское правительство будетъ платить намъ за то, чтобы мы защищали Кунградъ, то мы останемся. Въ противномъ случаѣ мы должны искать себѣ другой службы, потому что туркмены не съѣтъ и не жпѣтъ, чѣмъ же онъ будетъ существовать?»

«Узбеки и кара-калпаки составляютъ главную часть населенія и совсѣмъ не сочувствуютъ Магомету-Фаны. Исключеніе составляютъ его личные друзья.

«Есть даже поводъ думать, что они втайнѣ желаютъ возвращенія хивинскаго владычества, чтобы избавиться отъ туркменъ, которые безпощадно ихъ грабятъ. Киргизы, кочующіе въ окрестностяхъ, находятся въ открытой враждѣ съ кунградцами и туркменами. При осадѣ Кунграда хивинцами киргизы съ своимъ предводителемъ Азбергеномъ и султаномъ Эстлау находились въ хивинскомъ войскѣ. Еще раньше Атамуратъ-ханъ осаждалъ Азбергена съ восьмьюстами челоувѣкъ, но не имѣлъ успѣха.

«Изъ этого вышеизложеннаго обзора видно, въ какомъ шаткомъ положеніи находится правитель Кунграда, и ясно, что ему нельзя придавать серьезнаго значенія.

«На другой день, 24-го іюня, мы поднялись на двухъ баржахъ бечевой и остановились у юго-восточнаго угла кунградской стѣны. Когда мы снимались съ якоря, пріѣхалъ Шахъ-Ніязъ съ объявленіемъ, что Магометъ-Фаны прислалъ его, чтобы указать намъ мѣсто, гдѣ остановиться и чрезъ какія ворота имѣть сообщеніе съ городомъ. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ ему, что онъ крайне удивленъ этимъ, тѣмъ болѣе, что Магометъ-Фаны не далѣе, какъ вчера еще, сказалъ,

что въ нашей волѣ остановиться гдѣ угодно, и потому мы избрали себѣ мѣсто тамъ, гдѣ для насъ это удобнѣе. Такъ какъ намъ не было извѣстно, долго ли мы здѣсь пробудемъ, то выбранное нами мѣсто представляло наиболѣе выгоду потому, что часть старой городской стѣны составляла для насъ нѣкоторую защиту, а возвышеніе у самаго берега представляло весьма удобное помѣщеніе для орудій, которыя въ случаѣ нужды могли дѣйствовать по городу.

«Мы стали на якорь въ восемь часовъ утра. Отрядъ былъ высаженъ на берегъ, гдѣ устроилъ себѣ навѣсъ отъ палящихъ лучей солнца изъ парусовъ. Для офицеровъ разбита была кибитка. На возвышеніи былъ водруженъ флагъ и поставлены два горныя орудія жерлами въ сторону Хивы. Подлѣ флага стояла дежурная часть. Едва успѣли мы высадиться на берегъ, какъ топлы зѣвакъ окружили наши суда и отрядъ, такъ что мы вынуждены были разогнать любопытныхъ посѣтителей и поставить цѣпь около лагеря, предоставивъ имъ право любоваться нами издали.

«Съ приходомъ нашимъ къ Кунграду многіе изъ туркменъ начали удаляться въ свои кочевья, опасаясь, чтобы кунградцы черезъ насъ не отобрали у нихъ награбленнаго имущества, своихъ женъ и дочерей. Нѣсколько старшинъ пріѣзжали къ капитану Бутакову. Онъ угощалъ ихъ чаемъ, который они пьютъ не особенно охотно, но зато съ большимъ наслажденіемъ грызутъ сахаръ. Странно было смотрѣть на этихъ людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ звѣрскими лицами, грызущихъ сахаръ съ жадностью ребенка.

«На вопросъ объ Атамуратъ-ханѣ, присылавшемъ два раза депутатовъ къ генералъ-губернатору съ изъясненіемъ желанія принять русское подданство, они отвѣчали уклончиво, что онъ находится въ двухъ дняхъ пути отъ Кунграда и, вѣроятно, пріѣдетъ поглядѣться съ нами.

«На другой день нѣсколько кара-калпаковъ приходили просить нашей защиты противъ своеволія туркменъ, которые отобрали у нихъ женъ и дочерей и увозятъ ихъ въ Туркменію. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ имъ, что онъ во внутреннѣя дѣла ихъ не вмѣшивается и чтобы они обращались съ жалобами къ Магомету-Фаны. Для осмотра и съемки окрестностей Кунграда намъ необходимо было достать лошадей. Сначала мы обратились къ Магомету-Фаны, прося его содѣйствія въ наймѣ тридцати лошадей. Онъ отказалъ. Тогда капитанъ Бутаковъ отправилъ къ нему подпоручика султана Сейдамина спросить, считаетъ ли онъ насъ своими врагами или друзьями. Магометъ-Фаны отвѣчалъ, что онъ потому запретилъ дать намъ лошадей, что не надѣется на туркменъ, которые могутъ предпринять что-либо враждебное противъ нашей съемочной партіи, а отвѣтственность будетъ лежать на немъ. Когда же Сейдаминъ сказалъ ему, что туркмены будутъ отвѣчать сами за себя, Магометъ-Фаны приказалъ объявить на базарѣ, что всякій, кто желаетъ, можетъ отдавать

намъ внаймы лошадей своихъ. Туркменскій старшина Клычкара, еще до разрѣшенія хана приѣзжавшій къ намъ въ лагерь, спрашивалъ султана Сейдамина, чѣмъ онъ можетъ услужить русскимъ. На это Сейдаминъ посовѣтовалъ ему на первый разъ достать намъ лошадей. Плата была объявлена въ рубль серебромъ за лошадь въ день, а потому туркмены наперерывъ предлагали намъ свои услуги. Цѣна эта назначена была капитаномъ Бутаковымъ съ цѣлю привлечь туркменъ къ исполненію нашихъ требованій. Такъ какъ охотниковъ нашлось слишкомъ много, то старшинамъ сказано было соблюдать очередь. Вмѣстѣ съ тѣмъ для отвлеченія туркменъ отъ какихъ-либо попытокъ противу нашей съемочной партіи старшины обязались сопровождать съемку. На другой день съ разсвѣтомъ приказано было привести тридцать лошадей.

«Вечеромъ того же дня мы узнали отъ киргизъ, взятыхъ нами съ собою изъ Перовска, что у Магомета-Фаны было совѣщаніе съ туркменами, которые предлагали напасть на насъ съ тѣмъ, чтобы завладѣть нашими орудіями. Они говорили, что русскихъ всего двѣсти человѣкъ и что мы очень довѣрчивы, и что на насъ можно было напасть врасплохъ и всѣхъ перерѣзать.

«Магометъ-Фаны возражалъ имъ, говоря, что онъ обязанъ намъ своимъ спасеніемъ отъ хивинцевъ и что если бы нападеніе и удалось, то впослѣдствіи они за это дорого поплатятся. Слухи эти подтвердилъ выкупившійся персидскій невольникъ, просившій, чтобы мы взяли его съ собою въ Оренбургъ, откуда онъ надѣялся пробраться на родину. Онъ схваченъ былъ туркменами, проданъ сначала въ Бухару, откуда ѣздилъ съ своимъ хозяиномъ въ Оренбургъ, Казань и Москву. Потомъ перепроданъ былъ въ Хиву и изъ Хивы попалъ въ Кунградъ. Слухи эти могутъ показаться неправдоподобными для человѣка незнакомаго съ характеромъ азіатца вообще и съ туркменами въ особенности. Какъ тѣ, такъ и другіе дѣйствуютъ по первому впечатлѣнію, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ.

«Слухи эти заставили насъ усилить на ночь караулъ и обрыть возвышеніе, на которомъ стояли орудія, чтобы къ нимъ нельзя было вскочить на лошади, и вырыть небольшую траншею для стрѣлковъ. Наше положеніе было тѣмъ затруднительно, что толпы вооруженныхъ туркменъ ежедневно приѣзжали къ нашимъ барикамъ и мы не могли знать, когда они рѣшились привести свое намѣреніе въ исполненіе. Запретить же имъ приѣзжать къ намъ въ лагерь тоже было неудобно, чтобы не выказать имъ недовѣрія.

«Въ восемь часовъ утра прапорщикъ N и топографъ Журавлевъ, отправились на съемку подъ прикрытіемъ двадцати пяти штукъ перныхъ, вооруженныхъ и револьверами. Со съемкой отправился также старшина одного изъ родовъ туркменъ Салакъ-Клычкара, названный Клычогру, т. е. воровская сабля. Онъ приобрѣлъ вліяніе на соплеменниковъ удалствомъ въ набѣгахъ. Ему лѣтъ подлѣ

пятьдесятъ, росту высокаго, большая борода съ просѣдью отбѣняетъ лицо его, выражающее умъ и коварство. Нанявшись у Магомета-Фаны защищать Кунградъ, онъ прежде далъ клятву хивинскому хану доставить ему голову перваго и взять даже въ задатокъ половину условленной платы и оставилъ заложникомъ своего сына. Вотъ образчикъ характера туркменъ.

«Часть спустя я отправился за съемочнымъ отрядомъ и нагналъ его версты за двѣ до нашего лагеря. За этотъ разъ была инструментально снята полоса на лѣвомъ берегу рѣки вокругъ Кунграда шириною въ три версты. Все пространство это обработано и изрыто по всемъ направленіямъ ирригаціонными канавами. Двѣ изъ нихъ, подъ названіемъ халскихъ, похожи на небольшія рѣки. Смотри на эти каналы, нельзя не удивляться трудолюбію жителей. Между полями разбѣяны фруктовые сады, контуры которыхъ ясно обозначаются пирамидальными тополями. Старшина Клычкара, сопровождавшій съемку съ двумя своими товарищами, держалъ себя поодаль. Когда мы принялись завтракать, то онъ подошелъ къ намъ. Я пригласилъ его подѣбеть. Онъ отказался отъ сардинъ и ростбифа и принялся за баранину и сахаръ.

«Чтобы закончить съемку этого дня, намъ нужно было дойти до батареи, построенной хивинцами на самомъ берегу рѣки, противъ протока Кульденъ. Такъ какъ вся мѣстность была изрыта канавами, то я приказалъ казаку-переводчику разспросить у работавшихъ невдалекѣ кара-калпаковъ, какъ лучше проѣхать. Клычкара, узнавъ отъ переводчика, въ чемъ дѣло, самъ поѣхалъ къ кара-калпакамъ и требовалъ, чтобы одинъ изъ нихъ провелъ насъ. Но кара-калпакъ не захотѣлъ исполнить его требованія. Тогда онъ выхватилъ шашку и бросился на несчастнаго. Я закричалъ на него, тогда онъ вложилъ шашку въ ножны и взялъ пагайку, но кара-калпакъ въ это время успѣлъ отбѣжать довольно далеко. Въ безсильной злобѣ Клычкара уѣхалъ впередъ и долго ворчалъ про себя. Часу въ седьмомъ вечера мы возвратились въ лагерь. На другой день снята была такой же ширины полоса на лѣвомъ берегу, а на третій день перешли мы на правую сторону рѣки и сняли всю обработанную полосу по этой сторонѣ рѣки.

«Возвращаясь въ лагерь, я увидѣлъ невдалекѣ отъ мѣста расположенія хивинцевъ человѣческой скелетъ, съ котораго хищныя птицы не успѣли снять все мясо. Голова валялась въ сторонѣ отъ туловища.

«По возвращеніи въ лагерь я узналъ, что отъ киргизскаго батыря Азбергена прибылъ посланный съ увѣдомленіемъ, что онъ самъ прибудетъ вечеромъ съ сорока человѣками своихъ приверженцевъ. Для помѣщенія Азбергена Магометъ-Фаны назначилъ нѣсколько кибитокъ. Едва успѣли разбить эти кибитки вблизи нашего лагеря, какъ явился отъ Магометъ-Фаны посланный съ требованіемъ

снять ихъ и разбить у воротъ крѣпости отдѣльно отъ насъ. Капитанъ Бутаковъ приказалъ посланному сказать, что Магометъ-Фаны можетъ взять назадъ свои кибитки, но что Азбергенъ пріѣхалъ къ русскимъ съ повинной за сдѣланный имъ преступленіе, а не къ нему, а потому онъ долженъ остановиться между нами. Посланный болѣе не возвращался. Часевъ въ десять вечера къ противоположному берегу подъѣхало человѣкъ сорокъ всадниковъ. Къ нимъ были высланы наши шлюпки, куда они сѣли сами, а лошадей переправили вплавь.

«На другой день утромъ начальникъ экспедиціи потребовалъ Азбергена и объявилъ ему прощеніе и позволеніе возвратиться въ русскіе предѣлы. вмѣстѣ съ тѣмъ ему объявлено было, что онъ долженъ примириться съ туркменами и кунградцами. вмѣстѣ съ Азбергенемъ прибылъ также и султанъ Эстлау ¹⁾, принадлежащій къ бѣлой кости. Азбергенъ изъявилъ желаніе возвратиться на прежнія кочевья и просилъ начальника экспедиціи прикрыть его перекочеваніе отъ туркменъ, на искренность которыхъ онъ не полагался. На другой день съемочный отрядъ отправился было на работу, но вслѣдствіе слуховъ о замыслахъ туркменъ противу Азбергена былъ возвращенъ.

«Слухи эти были весьма правдоподобны. Азбергенъ былъ въ союзѣ съ кунградцами и туркменами, но грабежи и насилія послѣднихъ надъ киргизами заставили его удалиться въ крѣпостцу въ двадцати пяти верстахъ отъ Кунграда. Атамуратъ-ханъ съ восьмьюстами всадниковъ обложилъ его, но не имѣлъ успѣха и удалился въ свои кочевья. Азбергенъ, не будучи въ силахъ долго бороться съ кунградцами и туркменами, помирился съ хивинскимъ ханомъ и во время осады Кунграда послѣднимъ находился съ своими приверженцами въ числѣ его войска. Туркмены были озлоблены на Азбергена за понесенную ими неудачу и опасались, чтобы онъ посредствомъ насъ не вытребовалъ захваченныхъ ими киргизъ. Поэтому Азбергенъ объявилъ капитану Бутакову, что онъ готовъ примириться съ туркменами, но что на искренность этого примиренія онъ не полагается.

Съ прибытіемъ Азбергена туркмены были постоянно въ сборѣ, выкидая случая схватить Азбергена съ его приверженцами. Въ шесть часовъ вечера начальникъ экспедиціи приказалъ собраться старшинамъ туркменамъ, узбекамъ и кара-калпакамъ для примиренія съ киргизами. Къ назначенному времени прибыли всѣ, за исключеніемъ Атамурата и брата его Андали-хана, сказавшихся больными. Старшинамъ приказано было, оставивъ лошадей своихъ, прійти въ лагерь пѣшкомъ. Не явившимся старшинамъ послано

¹⁾ Цвѣтъ киргизской аристократіи причисляетъ себя къ бѣлой кости, остальные принадлежать къ черной. Султана Эстлау прозвали у насъ слоновой костью.

было сказать, что ихъ отсутствіе будетъ принято за недоброжелательство къ русскимъ.

«Прибывшіе старшины обидѣлись, что ихъ заставляютъ ожидать Андала-хана, говоря, что и безъ него обойтись можно, что они все равны между собою и что если семь старшинъ согласны, то одного нечего и спрашивать.

«Шалашъ изъ парусовъ, въ которомъ помѣщался десантъ, былъ устланъ коврами, у входа въ него былъ поставленъ караулъ. Въ семь часовъ сошлись старшины съ киргизами и обнялись въ знакъ искренности примиренія. Съ прибытіемъ капитана Бутакова все утихло и начали разсуждать объ устраненіи поводовъ къ неудовольствію. Со стороны туркменъ говорилъ за всехъ знакомецъ нашъ Клычкара и съдой старшина Ауазманбать, со стороны киргизъ—Азбергенъ».

На этомъ обрывается дневникъ Михаила Григорьевича.

Избѣжавъ, къ счастью, злодѣйскихъ и коварныхъ замысловъ, вызванныхъ противорѣчивыми интересами купградцевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ, экспедиція благополучно вернулась въ Перовскъ.

Путешествіе это было крайне полезно въ интересахъ будущихъ подвиговъ покорителя Туркестана. Передъ нимъ широко развернулась та своеобразная картина, на фонѣ которой ему предстояло дѣйствовать. Его наблюдательность охватила не только вопросы чисто военной техники, присущей его специальности, но и все условія мѣстной природы и туземнаго быта. Но этому не ограничилось его изученіе необъятныхъ дебрей Средней Азій.

Едва успѣлъ капитанъ Бутаковъ со своимъ отрядомъ возвратиться въ фортъ Перовскій въ первыхъ числахъ іюля, какъ въ половинѣ того же мѣсяца на Сырь-Дарьинскую линію долженъ былъ прибыть оренбургскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Катенинъ. Въ виду этого событія Михаилу Григорьевичу было поручено наблюдать и ускорить инженерныя, земляныя и строительныя фортовые работы и позаботиться о заготовкѣ для войскъ и казачьяго резерва сѣна. Онъ же распоряжался расчисткой Мама-Салтскаго ¹⁾, укрѣпленія и устройствомъ тамъ всего необходимаго для расположенія гарнизона.

Сохранность одиноко выдвинутой по направленію къ Джулеку крѣпости требовала бдительнаго вниманія, а потому Михаиломъ Григорьевичемъ дано было приказаніе подчиненному ему подпоручику Бабанцову посылать ежедневно казачьи разъѣзды по всемъ направленіямъ, чтобы знать, нѣтъ ли по близости какихъ-либо подозрительныхъ передвиженій или скопищъ туземцевъ.

¹⁾ Находящагося между Перовскомъ и урочищемъ Сары-Чагана въ 28 верстахъ отъ перваго.

Въ то время, какъ на Сырь-Дарьинской линіи все готовилось къ пріѣзду корпуснаго командира, въ прикокскихъ владѣніяхъ назрѣвали событія значительной важности. Внутренняя часть киргизовъ-кочевниковъ выразила желаніе принять русское подданство. Слѣдовало этимъ благопріятнымъ случаемъ для безкровнаго округленія нашихъ владѣній воспользоваться немедленно, оказавъ имъ покровительство и защиту отъ нападенія кокандцевъ. Для этихъ послѣднихъ перекочеваніе киргизъ въ наши предѣлы составляло вопросъ жизни, потому что гарнизонъ города Туркестана, существуя исключительно поборами съ окрестныхъ кочевниковъ, уходомъ ихъ былъ бы поставленъ въ безвыходное положеніе.

Дабы удержать киргизъ отъ переселенія, ташкентцы отправили гошцовъ къ куку и конрадамъ ¹⁾, обѣщая имъ полное прощеніе и даже казнь ихъ притѣснителя Мирзы-Ахмета, бывшаго правителя Ташкента, въ случаѣ же неповиновенія угрожая полнымъ разграбленіемъ. Въ слѣдствіе этого болѣе тысячи кибитокъ, кочевавшихъ между Яны-Курганомъ и Джулекомъ, возвратились къ Туркестану и Ташкенту. Оставшіеся же въ нашихъ владѣніяхъ киргизы, опасаясь нападенія, ежедневно присылали къ намъ посланцевъ, убѣдительно прося выслать отрядъ для занятія принадлежащей кокандцамъ крѣпости Джулека.

Чтобы нѣсколько успокоить несчастныхъ кочевниковъ и выиграть время до прибытія генераль-адъютанта Катенина, Михаилъ Григорьевичъ выслалъ семьдесятъ пять стрѣлковъ и двадцать пять казаковъ къ урочищу Беръ-Казанъ для исправленія тамъ переправы черезъ протокъ изъ Сырь-Дарьи въ озеро Беръ-Казанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распустилъ слухъ о движеніи значительнаго отряда. Кромѣ того, онъ собирался, взявъ съ собою всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи небольшія силы, двинуться навстрѣчу кокандцамъ, если бы они напали на киргизъ и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и численности враговъ.

О необходимости скорѣйшаго прибытія корпуснаго командира, обо всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и намѣреніяхъ, а также о ходѣ порученныхъ ему наблюденію фортовыхъ работъ Михаилъ Григорьевичъ донесъ въ подробномъ рапортѣ командующему Сырь-Дарьинской линіей и одновременно послалъ сообщеніе того же приблизительнаго содержанія о киргизскихъ волненіяхъ начальнику Улу-Тауской станицы, вѣдѣнія сибирскаго генераль-губернаторства ²⁾.

Постоянная возможность набѣговъ дикихъ ордъ, подчиненныхъ средне-азиатскимъ деспотамъ, въ наши предѣлы выдвигала необхо-

¹⁾ Киргизскія племена.

²⁾ Для возможнаго единства дѣйствій Сырь-Дарьинская линія оренбургскаго генераль-губернаторства и Сибирская линія сибирскаго генераль-губернаторства постоянно сообщались съ собою.

димость обуздать ихъ, а это послѣднее усиліе, въ свою очередь, требовало дальнѣйшаго съ нашей стороны наступательнаго движенія.

Поэтому начальникъ Сыръ-Дарьинской линіи поручилъ подполковнику Черняеву подробно изслѣдовать вопросъ о занятіи нами къ югу вереть на сто отъ Перовска покинутой коканцами крѣлости Джулека, въ пятидесяти верстахъ отъ коего подымались внушительные отроги Кара-Таускаго хребта.

Во главѣ небольшого отряда, въ сопровожденіи и сотрудничествѣ извѣстнаго въ ученomъ мѣрѣ магистра Сѣверцова, онъ извѣдывалъ мѣстность по всемъ направленіямъ и представилъ подробныя съемки ея окрестностей, карту путей сообщенія, ведущихъ отъ Перовска къ Джулеку, и даже, по разсказамъ киргизъ, карту мѣстности до города Туркестана.

Въ своей обстоятельной докладной запискѣ онъ указывалъ на необходимость выслать одновременно развѣдочные отряды изъ крайняго пункта сибирской стели и форта Перовскаго навстрѣчу другъ другу, примѣрно въ окрестностяхъ Сузака для изслѣдованія этой мѣстности, представлявшей для насъ совершенную terra incognita. Въ предвидѣніи нашего неизбежнаго движенія впередъ и предстоящаго со временемъ присоединенія города Туркестана, конечно, было необходимо ознакомиться съ мѣстностью нашихъ будущихъ военныхъ дѣйствій ¹⁾.

Во время этой командировки Михаиломъ Григорьевичемъ были подробно занесены на карту все три пути, ведущіе къ Джулеку, изъ которыхъ одинъ назывался разбойничьей дорогой вслѣдствіе постоянного нападенія хищныхъ азіатовъ на караваны, а два другіе пути представляли всего на всего узкія верблюжьи тропы для телегъ, почти непроѣзжія, часто пересѣченныя долговременными и обширными разливами Сыръ-Дарьи.

Относительно дальнѣйшаго распространенія линій на соединеніе съ сибирской границей Михаилъ Григорьевичъ считалъ положеніе Джулека между фортомъ Перовскимъ и Туркестаномъ невыгоднымъ. Имъ указывался ближайшій сравнительно пунктъ къ Туркестану около Джаны-Кургана, занятіемъ котораго устранялась возможность укрѣпленія въ названной мѣстности коканцевъ и этимъ упразднялась необходимость брать два защищенныхъ пункта вмѣсто одного, Туркестана. Здѣсь, какъ и вездѣ, Михаилъ Григорьевичъ былъ вѣренъ своему правилу щадить, гдѣ того не требовали обстоятельства, жизнь и труды солдата.

¹⁾ Если бы все наши военачальники дѣйствовали сообразно съ требованіями здравого смысла, со знаніемъ мѣстности или съ употребленіемъ опытныхъ проводниковъ, то исторія завоеванія Туркестана не обогатилась бы печальнымъ эпизодомъ невыразимыхъ страданій русскаго отряда, заведеннаго въ безводные пески однимъ горе-проводцемъ.

Предстоящее наступательное движеніе выдвинуло вопросъ, какъ лучше именно укрѣпляться, углубляясь въ азіатскія дебри.

Во время осады Севастополя и послѣ нея весьма распространенную извѣстность получили земляныя укрѣпленія, почему ближайшее къ тому время, въ 1859 году, когда сочувственное одобреніе ихъ сохранилось во всей силѣ, разработка вопроса о цѣлесообразности примѣненія ихъ противъ азіатцевъ была поручена опять-таки Михаилу Григорьевичу, который счелъ ихъ въ данномъ случаѣ весьма непрактичными.

«Сыръ-Дарьинская линія,—писалъ онъ въ своемъ рапортѣ,—можетъ имѣть столкновенія съ четырьмя противниками: киргизами, хивинцами, бухарцами и коканцами. Киргизы могутъ имѣть значеніе, какъ противники наши только по своей многочисленности и отдаленности Сыръ-Дарьинской линіи отъ Оренбурга, откуда здѣшнія войска получаютъ все до послѣдней мелочи. Огнестрѣльное оружіе ихъ состоитъ изъ длиннаго ружья съ прикладными къ нему сошками. Огонь сообщается разряду посредствомъ фитиля. Хотя киргизы дѣйствуютъ изъ мушкетовъ своихъ на значительное разстояніе и довольно мѣтко, но они такъ мало распространены между ними, что существеннаго вреда огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ они нанести намъ не могутъ. Холодное оружіе наиболѣе распространено между киргизами. Оно состоитъ изъ длинной пики или шашки и могло бы быть для насъ болѣе страшно, если бы скопища эти обладали моральными силами, столь необходимыми для рукопашнаго боя. Собравшись въ значительныя скопища, они могутъ дѣйствовать только непродолжительное время. За неимѣніемъ съ собою запасовъ продовольствія они такъ же скоро расходятся, какъ собираются. Поэтому многочисленныя толпы ихъ могутъ дѣйствовать только нѣсколько дней, а затѣмъ дѣйствія ихъ будутъ ограничиваться перерывомъ сообщенія между фортами и съ Оренбургомъ, поджогами сѣна, составляющаго жизненный вопросъ для нашихъ казаковъ»¹⁾.

Кромѣ обсужденія вопросовъ часто военныхъ, начальство прибѣгало къ Михаилу Григорьевичу за разработкой вопросовъ административныхъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли заботы о водвореніи спокойствія въ области нашихъ владѣній и о колонизаціи Сыръ-Дарьинской линіи.

Успѣхъ же этого послѣдняго предпріятія, по мнѣнію Михаила Григорьевича, обуславливался двумя основными положеніями: безопасностью и систематическимъ орошеніемъ почвы²⁾. Для бе-

¹⁾ Къ сожалѣнію, здѣсь черповикъ рапорта обрывается, обрисовавъ только однихъ киргизовъ изъ числа нашихъ тогдашнихъ средне-азиатскихъ противниковъ.

²⁾ За нѣсколько лѣтъ до завоеванія Туркестанскаго края этотъ вопросъ первостепенной важности для богатѣйшихъ и необъятныхъ пространствъ его былъ поднятъ М. Г., тогда какъ послѣ него онъ сталъ влечь жалкое существованіе, пока, наконецъ, въ наши дни не былъ ярко освѣщенъ министерствомъ земледѣлія. Авт.

зопасности Акъ-Мечетскаго острова¹⁾, способнаго къ обработкѣ, необходимо имѣть укрѣпленіе близъ Джулека, а для устройства систематическаго орошенія нужно сдѣлать предварительно нивелировку бассейна Сыра.

«За отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ трудно опредѣлить, въ какихъ размѣрахъ здѣсь можетъ развиваться хлѣбопашество,—писать онъ:—а потому поселенцевъ надо водворять постепенно, въ небольшомъ числѣ, дабы они не легли на руки правительства.

«При поверхностномъ обзорѣни средствъ края можно приблизительно заключить, что занятое нами пространство на Сырѣ можетъ прокормить рѣдкое населеніе и обезпечить малочисленный отрядъ.

«Заселеніе Сыръ-Дарьинскаго края можетъ принести большую пользу только въ случаѣ занятія страны до Ала-Тау для соединенія сибирской и оренбургской границы. Въ противномъ случаѣ Сыръ-Дарьинская линія ничего, кромѣ убытковъ, не общаетъ. Съ устройствомъ пикетной дороги, которая будетъ связью между фортами и защитою переселенцамъ, можно постепенно приступить къ заселенію всей Сыръ-Дарьинской линіи, употребляя женатыхъ солдатъ, преимущественно изъ желающихъ, обязанныхъ мѣстною срочною службою».

Для устройства, привлеченія и укрѣпленія небольшихъ поселковъ въ 10—15 семей близъ фортовъ и пикетовъ Михаилъ Григорьевичъ предлагалъ цѣлый рядъ практичныхъ мѣропріятій, освободивъ солдатъ отъ всякихъ служебныхъ обязанностей, но обязавъ ихъ обрабатывать извѣстный участокъ земли и огорода. Предоставить поселеннымъ солдатамъ пользоваться всѣми правами на отставку, безсрочный отпускъ и по желанію на возвращеніе къ Оренбургу. Дать имъ право пользоваться полнымъ содержаніемъ и обмундированіемъ. Произведенія земли и огорода предоставить въ ихъ полную собственность.

По выслугѣ срока службы по желанію оставлять на мѣстѣ, записавъ въ сыр-дарьинское казачье сословіе.

«Если заселеніе пойдетъ удачно, дозволить переселеніе изъ Россіи, а по мѣрѣ увеличенія его прекратить заселеніе служащими солдатами, сохранивъ это право за выслужившими сроки. Охрану же этого будущаго поселенія со временемъ возложить на мѣстныхъ казаковъ, сообразуясь съ числомъ станичнаго населенія. Возложить на нихъ обязанности занятія карауловъ на ближайшихъ пикетахъ, содержанія почтовой гоньбы, постепенно по мѣрѣ возможности освобождая уральскихъ казаковъ отъ кордонной службы».

«Съ устройствомъ оренбургскаго и уральскаго укрѣпленій,—пишетъ онъ,—спокойствіе совершенно водворилось въ восточной

¹⁾ Пространство вокругъ Акъ-Мечети или ф. Перовска, ограниченное песками и хребтомъ Кара-Тау.

и средней части орды и всё правительственныя распоряженія приводятся тамъ безпрепятственно въ исполненіе. Въ западной же части образуются мятежныя шайки, возбуждающія киргизъ къ неповиновенію и на грабежъ тѣхъ, которые остались намъ покорны. Кромѣ того, киргизы, кочующіе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, много терпятъ отъ набѣговъ туркменъ и хивинцевъ, нередко собирающихъ съ нихъ зякетъ, грозя въ случаѣ неповиновенія разграбленіемъ. Не имѣя позади себя никакой защиты, за которою они могли бы укрыться, киргизы принуждены удовлетворять насильственнымъ требованіямъ и оказывать невольно неповиновеніе.

«Для отвращенія по возможности этихъ безпорядковъ необходимо устроить въ центрѣ западной части орды у южныхъ скатовъ Мугоджарскихъ горъ, при урочищѣ Тасъ-Булакъ третье укрѣпленіе, снабдивъ его гарнизономъ по примѣру оренбургскаго и аральскаго. Султана, правителя западной части орды, слѣдуетъ перемѣстить изъ окрестностей станицы Затонной къ устью Эмбы для надзора за подвластными ему киргизами. Мѣсто это удобно для хлѣбопашества и можетъ служить для поселеній. Надъ киргизами, кочующими между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, надо поставить султана-правителя, присвоивъ ему названіе султана-правителя четвертой части орды и назначить ему пребываніе въ Новопетровскомъ укрѣпленіи ¹⁾.

«Съ устройствомъ рыбнаго промысла на Каспійскомъ заливѣ необходимо имѣть тамъ укрѣпленіе, которое послужитъ защитою промышленникамъ, предохранитъ киргизъ отъ набѣговъ туркменъ и станетъ нашимъ передовымъ наблюдательнымъ пунктомъ надъ Хивою, находясь отъ нея на одиннадцатидневномъ караванномъ пути. Для огражденія же границъ нашихъ на лѣвомъ флангѣ отъ Кокана необходимо придать болѣе самостоятельности Сыръ-Дарьинской линіи, чего можно достигнуть занятіемъ горъ Туркестана, продолженіемъ линіи до Ала-Таускихъ горъ на соединеніе съ Сибирскою линіей укрѣпленій и водвореніемъ по Сыру военныхъ поселеній».

За цѣлыя восемь лѣтъ до соединенія Сыръ-Дарьинской линіи съ Сибирскою (записка писалась имъ въ 1858 г.) Михаиломъ Григорьевичемъ была признана необходимость этого мѣропріятія, составлявшая конечный припѣвъ всѣхъ его докладовъ.

Плачевное состояніе тогдашней Сыръ-Дарьинской линіи выдвигало вопросъ о значеніи и занятіи устьевъ Аму-Дарьи, отданный начальствомъ снова на обсужденіе Михаила Григорьевича. «Едва кончилась кровопролитная Крымская война,—пишетъ онъ

¹⁾ Управленіе киргизами Михаиломъ Григорьевичемъ предполагалось въ высшей степени практично, дешево и популярно, поставивъ надъ ними власть изъ ихъ же среды.

въ своемъ рапортѣ корпусному командиру по этому дѣлу:—какъ снаряжена была миссія въ Хиву и Бухару, имѣвшая главною цѣлью заключеніе трактатовъ о свободномъ плаваніи судовъ нашихъ по Аму. Важность этой рѣки для сношеній нашихъ съ Средней Азіей издавна обратила вниманіе правительства, а эти вѣковыя стремленія ясно доказываютъ ея значеніе, а сравненіе низовьевъ обѣихъ рѣкъ (лично изслѣдованныхъ Михаиломъ Григорьевичемъ) заставляетъ отдать преимущество Аму-Дарьѣ, описанія же путешественниковъ¹⁾, которымъ мы не имѣемъ права не вѣрить, убѣждаютъ насъ, что въ верхней и средней части своей рѣка эта представляетъ еще болѣе выгоды, чѣмъ низовья въ отношеніи судоходства и производительности прилегающихъ къ ней странъ.

«О Сыръ-Дарьѣ къ югу отъ Перовска и о Коканскомъ ханствѣ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній²⁾. Всѣ они ограничиваются краткими замѣтками нашихъ путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій и показаніями купеческихъ приказчиковъ и караванъ-башей. Поэтому всѣ выгоды значенія Сыръ-Дарьи основаны на однихъ умозрѣніяхъ, которыя со временемъ могутъ не только не оправдаться, но ввести насъ въ ошибки.

«Допуская, что обѣ рѣки въ верхней и средней части представляютъ одинаковыя выгоды въ отношеніи судоходства и производительности, достаточно взглянуть на карту, куда открываетъ намъ путь Сыръ и куда Аму. Необходимость доставлять средства существованія низовьямъ Сыра независимо отъ Оренбургской линіи приводитъ къ вопросу, не выгоды ли намъ, занявъ низовья Аму, изыскать средства къ доставкѣ оттуда для фортовъ, стоящихъ на Сырѣ, или подняться по нему до болѣе плодородныхъ мѣстъ».

Рѣшеніе этого важнаго мѣстнаго вопроса требовало, по мнѣнію Михаила Григорьевича, изслѣдованія пространствъ къ устьямъ Сыръ-Дарьи или отдѣльными заслуживающими довѣрія личностями, или цѣлой вооруженной экспедиціей. «Займемъ ли мы Кунградъ, или пунктъ выше его,—писалъ онъ далѣе,—мы однаково должны быть готовы къ противодѣйствию всей Средней Азiи. Занятіе Сыра, не стоившее намъ большихъ усилій, не можетъ служить руководствомъ для дѣйствій нашихъ на Аму. Хива и Бухара обезпечены со стороны Сыръ-Дарьинской линіи безводною стѣною³⁾, доступъ отсюда возможенъ для насъ только вверхъ по Сыру въ Кокандъ. Путь этотъ весьма кружной, а въ верхней своей части го-

¹⁾ Успѣвшихъ проникнуть далѣе во владѣнія враждебныхъ намъ азіатскихъ деспотовъ.

²⁾ Это писалось въ 1859 году.

³⁾ Этою-то безводною стѣною былъ веденъ нашъ несчастный отрядъ во время хивинской экспедиціи.

ристая мѣстность представляетъ врагамъ нашимъ удобство для обороны. Потому-то средне-азиатскіе владѣльцы не были слишкомъ встревожены утвержденіемъ нашимъ на низовьяхъ Сыра. Съ занятіемъ же низовьевъ Аму мы открываемъ себѣ пути въ отдаленныя мѣста Средней Азіи и заставимъ народы, тамъ обитающіе опасаться за свою независимость. Поэтому можно предположить, что враждующіе между собою средне-азиатскіе владѣльцы соединятся предъ общою опасностью и при подстрекательствѣ иностранныхъ агентовъ. Ихъ сторону примутъ и туркмены въ надеждѣ на добычу. Тѣмъ не мѣнѣ занятіе Аму-Дарьи принесетъ намъ несравненно болѣе выгодъ, нежели владѣніе Сыръ-Дарьей, но для достиженія этой цѣли необходимо употребить и соразмѣрныя средства».

Таково было мнѣніе Черняева съ широкой государственной точки зрѣнія относительно грядущихъ событій въ Средней Азіи, предложенныхъ обсужденію его непосредственнымъ начальствомъ.

Ясно, точно, какъ все, что выходило изъ-подъ пера Черняева, вопросъ былъ обсужденъ имъ практически-всесторонне. Записка эта представляетъ краткое энциклопедическое описаніе низовьевъ Аму до Кунграда, на страницахъ которой живою наблюдательностью автора занесены топографія Аму и ея притоковъ, описаніе различныхъ пародовъ, осѣвшихъ тамъ, значеніе Кунграда въ административномъ и военномъ отношеніяхъ, тамъ перечислены мѣстныя средства продовольствія и способы ихъ доставки, условія добыванія топлива, указаны луга и выгоны, намѣчены мѣста и характеръ предполагаемыхъ укрѣпленій, численность гарнизоновъ. Ничто не ускользнуло отъ внимательнаго-наблюдательнаго взгляда молодого подполковника, все было предвидѣно его практическимъ здравомысліемъ.

Записка эта, кромѣ того, множествомъ выписокъ доказываетъ основательное знакомство его съ литературой Средней Азіи, русской и иностранной, съ которой онъ успѣвалъ познакомиться, несмотря на то, что служба перебрасывала его постоянно съ одного конца Россіи на другой.

Капитанъ Бутаковъ, плывавъ по Аральскому морю на судахъ своей флотиліи, заѣхалъ въ сѣверо-восточную часть его и тамъ, въ заливѣ Сары-Чаганакъ, нашелъ какую-то бухту, которую призналъ удобной для перегрузки на свои суда тяжестей съ транспортовъ, приходившихъ изъ Оренбурга на Сыръ-Дарьинскую линію. Свои совершенно, какъ будетъ объяснено ниже, предположенія онъ сообщилъ генералъ-адъютанту Катенину. Этотъ послѣдній, проживая въ Оренбургѣ за восемьсотъ верстъ отъ Аральскаго моря, при самомъ первобытномъ способѣ сообщенія съ фортомъ Перовскимъ, приказалъ командующему Сыръ-Дарьинской

линей обсудить это дѣло, а этотъ снова прибѣгнулъ къ исполняющему должность начальника своего штаба.

Въ половинѣ ноября Михаилу Григорьевичу было приказано изслѣдовать пятнадцативерстный путь отъ Куль-Кудука къ намѣченной капитаномъ Бутаковымъ бухтѣ, разузнать, могутъ ли быть вырыты близъ моря колодцы для питьевой воды и существуетъ ли по близости бухты подножный кормъ.

Въ заключеніе этихъ практическихъ работъ на Михаила Григорьевича была возложена обязанность представить особое соображеніе на основаніи всѣхъ собранныхъ имъ свѣдѣній о средствахъ и матеріалахъ, какіе потребуются для устройства на бухтѣ пристани.

И вотъ въ суровую зимнюю пору съ нѣсколькими казаками пустился онъ въ безбрежныя снѣговыя равнины, прилегающія къ Аральскому морю. Жилищемъ ему служила обвѣваемая буранами киргизская кибитка, согрѣваемая горящимъ спиртомъ. Скитанія и изслѣдованія его въ этой обстановкѣ продолжались нѣсколько недѣль. За это время въ мерзлой землѣ имъ были вырыты два колодца: одинъ на разстояніи полторы версты отъ бухты и другой— въ трехъ съ половиною верстахъ, глубиною въ три сажени. Но ни въ томъ, ни въ другомъ колодцѣ воды не оказалось. Обратившись тогда къ разпросамъ жителей нѣсколькихъ ауловъ, кочевавшихъ по близости, Михаилъ Григорьевичъ утвердился въ убѣжденіи, что прѣсной воды въ окрестностяхъ добыть нельзя, потому что по отсутствію ея киргизы прибывали сюда на кочевье только тогда, когда выпадалъ снѣгъ, которымъ пользовались и люди, и скотъ ихъ. На основаніи этихъ данныхъ дальнѣйшія гидрографическія работы были имъ, съ присущею ему практичностью, прекращены.

Сары-Чатанакская бухта, окрестности которой поручено было Михаилу Григорьевичу обследовать и занести на карту, находится въ сѣверной части залива того же имени. Она окружена рыхлыми солончаками, съ запада граничащими съ нагорными берегами, а съ сѣверной стороны съ широкая полоса солончаковъ соединяется узкими перешейками между песчаными холмами съ другимъ болѣе обширнымъ солончаками, лишенными всякой растительности, тогда какъ песчанія пространства около бухты покрыты рѣдкою, но годною для корма скота травою. Топливо же изъ мелкаго саксаула и кустарника тоже можно было добыть на песчаной косѣ, ограничивающей бухту съ сѣверной стороны. Такъ были даныя, добытыя Михаиломъ Григорьевичемъ.

Караваны и транспорты, шедшіе изъ Оренбурга, дойдя до бухты, по мысли капитана Бутакова, должны были погрузить свои товары на суда, которыя сначала по морю, а затѣмъ по Сыру доставляли бы ихъ къ Перовску. Но такъ какъ транспорты изъ Оренбурга, доставлявшіе въ то время войску нашему все необходимое,

на обратномъ пути изъ Перовска набирали хлопокъ, то вся выгода отъ предложенія капитана Бутакова состояла единственно въ томъ, что караваны вереть триста пятьдесятъ отъ бухты до Перовска проходили бы порожнякомъ.

Кромѣ неизбежной порчи товара и платы за его перегрузку, Сыръ-Дарья внѣ половодья вслѣдствіе существованія Косъ-Аральскаго бара доступна была въ этомъ мѣстѣ только судамъ плоскодоннымъ, поэтому пароходъ «Перовскій» по возвращеніи экспедиціи капитана Бутакова изъ-подъ Кунграда перетаскивался въ рѣку черезъ баръ на людяхъ. Все это дѣлало затѣю капитана Бутакова совершенно академической, и полная ея непрактичность была выставлена въ рапортѣ Михаила Григорьевича.

По поводу этого дѣла генераль-майоръ Данзасъ писалъ подполковнику Черняеву: «Милостивый государь Михаилъ Григорьевичъ, покорнѣйше прошу доставить ваше мнѣніе о портѣ въ Сары-Чанакъ. Если вы опасаетесь, что изслѣдованія ваши я присвою себѣ, то не угодно ли будетъ составить отдѣльную записку, которую я отправлю въ дополненіе къ моему рапорту объ этомъ предметѣ. Примите и проч.»

Таковы были отношенія Михаила Григорьевича, человѣка практики и здраваго смысла, къ своему непосредственному начальнику. Очевидно, они складывались въ этомъ духѣ понемногу съ самаго начала, дѣло же каторжника Досчана, о которомъ будетъ сказано ниже, привело ихъ къ совершенному разногласію и полному разрыву.

Во время пріѣзда своего въ Перовскъ, на Сыръ-Дарьинскую линію, оренбургскій генераль-губернаторъ А. А. Катенинъ, кстати сказать, истый баринъ и хлѣбосоль, любившій лихую солдатскую пѣсню и самъ любимый подчиненными, объявилъ всенародно прощеніе всѣмъ туземцамъ, совершившимъ какое-либо преступленіе, съ тѣмъ, чтобы бѣжавшіе въ коканскіе предѣлы безбоязненно возвратились въ свои аулы.

Вслѣдствіе этого циркуляра одинъ изъ бѣжавшихъ, бывшій каторжникъ Досчанъ, со всей своей семьей и почти пятьюдесятью родственниками, женщинами и дѣтьми, перешелъ нашу границу и явился съ повинной къ надворному совѣтнику Осмоловскому, управлявшему киргизами Сыръ-Дарьинской линіи. По дорогѣ эта маленькая орда была почти дотола ограблена коканскими киргизами и предстала предъ русскою властью въ самомъ плачевномъ видѣ. На допросѣ Досчанъ подробно, съ чистосердечной паивностью истаго дикаря повѣдалъ свою любопытную биографію.

Родился онъ около гор. Троицка, вѣру исповѣдалъ магометанскую, имѣлъ двадцать девять лѣтъ отъ роду. Лѣтъ за восемь до своего послѣдняго появленія въ русскіе предѣлы находился со-

вершено безвинно подѣ судомъ за мнимое нападеніе на слѣдовавшаго въ гор. Троицкѣ повѣреннаго питейнаго откупа. По состоявшемуся рѣшенію суда наказанъ шипицутесами черезъ тысячу человѣкъ дважды и затѣмъ сосланъ въ каторжныя работы на троицкій солеваренный заводъ Иркутской губерніи. Оттуда черезъ мѣсяцъ онъ бѣжалъ, былъ пойманъ и посаженъ подѣ стражу въ Михайловскомъ укрѣпленіи.

Здѣсь онъ содержался на гауптвахтѣ, въ арестантской комнатѣ, закованный въ конскія желѣзные путы. По прошествіи нѣсколькихъ дней, замѣтивъ, что ночью караульные спятъ, ключъ же отъ путъ находится въ караульной, онъ вышелъ изъ своей камеры, которая была не заперта, снялъ ключомъ путы и, выйдя на свободу, сталъ, подобно вѣтру въ полѣ, разтѣзжать по степи, по возлѣ форта Перовска былъ снова пойманъ и посаженъ подѣ стражу. Тогда ночью онъ выползъ изъ палатки, снявъ съ себя оковы, которыя были широки, и, ползкомъ добравшись до лошадей, вскочилъ на лучшую изъ нихъ, принадлежавшую начальнику отряда, и черезъ десять дней, питаясь по дорогѣ краденными баранами, добрался до своего аула, возлѣ Николаевского укрѣпленія. Здѣсь, забравъ жену и родственниковъ, пошелъ въ коканскіе предѣлы, укравъ по дорогѣ четырнадцать верблюдовъ у неизвѣстныхъ ордынцевъ, «никому другого ущерба никогда не сдѣлавъ».

Въ Кокандѣ онъ со всѣми товарищами поступилъ на службу къ яны-курганскому беку, принявшему его очень ласково и пожаловавшему его въ джузъ-баши. Затѣмъ бекъ отправилъ его въ Туркестанъ къ мирзѣ Ніязу, который приказалъ ему ѣздить на грабежъ къ ордынцамъ бухарскаго и русскаго вѣдомства. Во главѣ порученныхъ ему киргизовъ и коканцевъ онъ угонялъ много скота, но гдѣ именно и сколько,—это въ его памяти не сохранилось.

Не довольствуясь добычей скота, мирза Ніязъ поручилъ Досчану подѣ фортомъ Перовскимъ захватить одного русскаго. Отправившись во главѣ пяти коканцевъ и шести киргизовъ на урочище Джарты, Досчанъ замѣтилъ человѣка десять русскихъ. Бросившись на нихъ и потерявъ одного изъ товарищей, онъ преслѣдовалъ русскихъ около двухъ верстъ. Во время этой скачки одинъ изъ киргизовъ сбилъ съ лошади никою магистра зоологін Сѣверцева ¹⁾, котораго Досчанъ затѣмъ доставилъ въ Кокандъ, получивъ въ награду десять тилей и серебряную саблю.

Возвращеніе Сѣверцева русскимъ послѣ плѣна опять-таки было поручено Досчану, который во главѣ пятнадцати киргизъ, защищая

¹⁾ Увлекаясь своими орнитологическими и ботаническими изслѣдованіями, оригиналь Сѣверцевъ отгѣхалъ сплннкомъ далеко отъ главнаго отряда подѣ начальствомъ Михаила Григорьевича и былъ схваченъ коканцами. Весь израненный холоднымъ оружіемъ, съ отрубленнымъ почти ухомъ, онъ былъ совершенно выгнченъ травами мѣстными знахарями.

плѣнника отъ нападенія враждебной шайки туземцевъ, былъ раненъ ружейной пулей въ плечо. Послѣ этого подвига онъ болѣе никакихъ порученій не исполнялъ, товарищи же его ограбили караванъ, шедшій изъ Троицка въ Ташкентъ, взявъ сто верблюдовъ, но бросивъ по дорогѣ всѣ товары, которые Досчанъ обратилъ въ свою собственность.

Вскорѣ послѣ этого бѣи, управлявшій жительствовавшими возлѣ Перовска киргизами, послалъ всѣмъ сородичамъ своимъ Кипчакова рода, откочевавшимъ въ коканскіе предѣлы, письмо, гдѣ Досчанъ былъ поименованъ отдѣльно, призывая ихъ всѣхъ возвратиться въ русское подданство. Призывъ этотъ былъ основанъ на объявленіи, такъ сказать, представителемъ Бѣлаго Царя, оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, полного прощенія тѣмъ, кто въ чемъ-либо провинился предъ русскою властью и изъ страха наказанія откочевалъ въ предѣлы азіатскихъ властителей. Досчанъ во главѣ многочисленныхъ сородичей откликнулся на этотъ призывъ и повѣдалъ чистосердечно вышеприведенную повѣсть жизни своей.

Что же дѣлаетъ русская власть въ лицѣ генерала-майора Данзаса съ довѣрчивымъ дикаремъ, представителемъ своеобразнаго міровоззрѣнія мѣстныхъ азіатовъ? Злополучнаго киргиза сажаютъ въ тюрьму, предають военному суду и приговариваютъ къ повѣшенію.

Трагедія эта взволновала всю Сыръ-Дарьинскую линію, обративъ на себя вниманіе и русскихъ, и туземцевъ. Надворный совѣтникъ Осмоловскій, управлявшій сыръ-дарьинскими киргизами, очень ими любимый, частью своей популярности приписавшій возвращеніе Досчана, тщетно нѣсколько разъ заѣзжая по этому дѣлу къ Данзасу, не пожелавшему его принять, написалъ ему письмо, полное жалости къ осужденному, представляя на видъ смягчающія дѣла обстоятельства и убѣждая это дѣло представить до исполненія приговора корпусному командиру, на основаніи циркуляровъ котораго Досчанъ и отдался въ руки русскимъ.

Къ этой безцѣльной жестокости, ронявшей значеніе русской власти въ глазахъ азіатцевъ, не могъ остаться безучастнымъ Михаилъ Григорьевичъ. «Не одно состраданіе,—пишетъ онъ Данзасу со свойственной ему рѣшительной прямою,—заставляетъ меня говорить въ пользу преступника, со всей семьей своей добровольно отдавагося на великодушіе русскихъ властей, но и убѣжденіе, что казнь его несовмѣстима съ достоинствомъ нашего правительства и поведетъ къ уtratѣ довѣрія къ нашимъ воззваніямъ, подобно тому, какъ утратилась уже всякая вѣра къ нашимъ угрозамъ». Оканчиваетъ онъ свое письмо указаніемъ, что «члены военного суда имѣли на первомъ планѣ желаніе рѣшить дѣло согласно мнѣнію своего начальника».

Если же Досчанъ не подлежалъ помплованію, это слѣдовало оговорить въ циркулярѣ ко всеобщему свѣдѣнію.

Написавъ Осмоловскому безконечно-пудное письмо, выставивъ въ оправданіе своихъ дѣйствій преимущество долга предъ чувствомъ состраданія, съ хвастливымъ упоминаніемъ о своемъ характерѣ, глубокомъ и твердомъ по преимуществу, генераль Данзасъ отвѣтилъ Михаилу Григорьевичу также пространно и довольно рѣзко.

Однако, несмотря на оба протеста, Досчанъ былъ казнень, не удостоенный даже тайнства крещенія, принять которое онъ выразилъ желаніе коменданту форта, вѣроятно, возлагая на это свою послѣднюю надежду на помилованіе.

Фактъ этотъ снова вызвалъ письменное обращеніе Михаила Григорьевича къ генералу Данзасу съ запросомъ, на кого падеть отвѣтственность въ этомъ преступленіи противъ вѣры и закона.

«Я потерялъ бы уваженіе къ самому себѣ,—писалъ онъ,—если бы изъ одного опасенія навлечь на себя неудовольствіе начальника я отказался отъ законной попытки спасти жизнь подсудимому. Пробывъ восемь мѣсяцевъ въ Севастополѣ съ глазу на глазъ со смертію, я понимаю цѣну жизни для человѣка и только Бога и честь ставлю выше ея».

Слѣдствіемъ рѣшительнаго на политической подкладкѣ заступничества Михаила Григорьевича съ представленіемъ смягчающихъ дѣло обстоятельствъ было предложеніе генерала Данзаса полковнику Черняеву въ самомъ непродолжительномъ времени отъѣхать въ Оренбургъ.

Дабы не подать примѣра неповиновенія, Михайль Григорьевичъ на третій день по полученіи предписанія отправился туда по безпріютной и бездорожной степи въ самое суровое время года. При полномъ расхожденіи своихъ взглядовъ съ начальствомъ Михайль Григорьевичъ считалъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Оренбургскомъ краѣ. Послѣ временнаго прикомандированія къ бывшему департаменту главнаго штаба, 30-го ноября 1859 г. онъ былъ назначень, согласно желанію своему, состоять при главномъ штабѣ кавказской арміи, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе и сблизился съ княземъ Барятинскимъ, однимъ изъ умѣйшихъ государственныхъ дѣятелей царствованія Александра II.

Приблизительно двухлѣтнее пребываніе Михаила Григорьевича на Сыръ-Дарьинской линіи принесло ему большую пользу. Въ безпрестанныхъ командировкахъ, изѣздивъ эту страну вдоль и поперекъ, онъ изучилъ ее во всѣхъ подробностяхъ, какъ свои пять пальцевъ, и впослѣдствіи, въ 1864 г., приступивъ къ завоеванію Ташкента и покоренію Туркестана во всеоружіи опыта и знанія, онъ явилъ себя военачальникомъ, политикомъ и администраторомъ выдающейся государственной мудрости.